

**ЛУЧШИЕ
БИОГРАФИИ**

**ЛЕОНИД
БЫКОВ**

АТЫ-БАТЫ...

**Наталья
Тендора**

Наталья Ярославовна Тендора Леонид Быков. Аты-баты...

Серия «Лучшие биографии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6374266

*Наталья Тендора. Леонид Быков. Аты-баты...: Алгоритм; Москва;
2011*

ISBN 978-5-6995-3289-6, 978-5-699-53289-6

Аннотация

Поистине всенародное признание получили актерские и режиссерские работы Леонида Быкова – кумира миллионов зрителей. Его роли в фильмах «Укротительница тигров», «Максим Перепелица», «Добровольцы», «Майские звезды», «Алешкина любовь», «В бой идут одни старики», «Аты-баты, шли солдаты...» достигают предельной жизненной достоверности и убедительности, подлинного мастерства, наделены неповторимым обаянием. Артист редкого дарования, он нашел свою тему и в режиссуре. Его фильмы о Великой Отечественной – реквием русскому солдату, не вернувшемуся с войны. Яркая жизнь талантливейшего актера и режиссера оборвалась на самом взлете, когда Леонид Быков начинал работу над новым фильмом... Его гибель в автокатастрофе под Киевом осталась загадочной.

Содержание

Мгновения до гибели	5
Последний лирический герой	8
«Не расплескать бы душу!...»	19
Тайны характера. О чем умолчали звезды	46
Родом из детства	52
Установленный адрес	56
Барнаульское детство	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталья Тендора

Леонид Быков. Аты-баты...

*Моему отцу – киносценаристу и
кинокритику Ярославу Яропову и его
поколению военных мальчишек, к которому
принадлежал и Леонид Быков, посвящается...*

ЛЕОНИДУ ФЕДОРОВИЧУ БЫКОВУ

*Какая жизнь осталась позади!..
Дарящая теперь седые пряди...
В ней все, что смысл имело впереди,
Все для людей, точнее, людей ради.
Гаснут жизни друзей – небу тесно от звезд.
Переполнена грудь тоскою.
Боль оставленных ими на сердце борозд
Не дает и не даст мне покоя.
И не надо! Покой – это будет потом...
Это чуждая тишь, безбрежность...
Красота украшает наш сказочный дом,
А спасает планету – нежность.
И спасает ее доброта ваших глаз,
Вам прибудет и ввек не убудет,
Все бесценные россыпи нежности в вас,
Не гасите их, добрые люди!
...Окончен дней недлинный ряд.
Скорбим, над тишиною стоя!..
Кинематографа солдат
Ушел в бессмертье с поля боя.*

(Дмитрий Миргородский, стихи из фильма «...)

Мгновения до гибели

Вместо пролога

В это верилось с трудом, но его белоснежная красавица «Волга», которую он так любил и с которой столько возился, вмиг стала неуправляемой. Словно лошадь, почувствовавшая свободу и пытающаяся скинуть седока, она неслась, не разбирая дороги, не подчиняясь хозяину...

Вновь поздняя весна показала свой норов. День внезапно, как это редко бывает в апреле, не потемнел, а буквально почернел. Ветер гнал густой тяжелый дождь, в котором дорога просматривалась не далее десяти метров. Машины двигались в этой мгле почти на ощупь, с зажженными фарами. За окном мелькали еще не покрытый листвой, почти не видимый глазу редкий перелесок и лужи с талой водой, не впитавшейся в черную, рыхлую, с прогалинами, землю.

Перед глазами вдруг начал прокручиваться калейдоскоп воспоминаний: вот он мальчишкой лезет в соседский палисадник за цветами, чтобы подарить их понравившейся однокласснице. А вот и огромный, гудящий, как улей, спортзал, в котором обосновались абитуриенты, приехавшие со всего Союза поступать «на артистов». Лицо красавицы, которой

вскоре суждено стать его женой. Дорогие сердцу лица друзей-товарищей «2-й поющей эскадрильи»...

Продолжая без устали жать на педаль тормоза с такой силой, что слева за грудиной невыносимо защемило, он вздрогнул от охлаждающей своей безысходностью лихорадочной мысли: «Неужели все?» Сердце сжалось болью – не за себя, за них – Тому, ребятам... Сколько он еще не успел сделать! Мало того, что жена больна, так именно сейчас он так нужен Лесю. Парнишка только начал выправляться. Кто знает, что он еще натворит без отцовской руки? А его отрада, его любимица Марьяна, как она, ведь теперь все заботы лягут на ее хрупкие плечи? Ничего, – постарался он взять себя в руки, – помогут друзья».

И тут он отчетливо увидел, как бы он снял это в кино. Наезд камеры... Крупно – перекошенное непоправимостью надвигающейся беды бледное лицо героя, выпуклая пульсирующая жилка на чуть взмокшем виске, прилипшая прядь волос...

А тем временем сознание угодливо прокручивало самые яркие, наполненные счастьем моменты его жизни: катание мальчишкой на санках, первый поцелуй, светящиеся глаза любимой, неуверенные шаги первенца... Как режиссер, он бы это прекрасно снял. Столько в его судьбе было побед, и все же больше горечи от предательств, боли утрат... Есть люди, воспринимающие счастье полнее, чем невзгоды, как видно он из их числа.

...Так и не успев испугаться, не в силах избежать трагедии, Быков резко вывернул руль. Сумбур мыслей стал пульсирующе краток. Машина пошла юзом и правой дверцей врезалась в бампер встречного грузовика. В тот же миг все тело Быкова взорвалось резкой болью, словно «раскрошившись» на тысячу крошечных обжигающих осколков, и мир взорвался кровавым протуберанцем... Махина, протаранив «Волгу», как бы взяла ее на клыки и уже в обратном направлении проволокла еще метров десять, выковыряв на обочине глубокие ямы передними колесами легковушки. И остановилась как вкопанная....

...Вот уже который год у мемориальной доски Леониду Федоровичу Быкову на административном корпусе Киностудии имени Довженко в день его рождения, 12 декабря и в день смерти, 11 апреля, соберутся коллеги, друзья. Молча постоят, потом зайдут в музей студии, выпьют «законные» сто грамм... А на асфальте у стены останутся алеть любимые быковские гвоздики.

Чтобы помнили...

Последний лирический герой

*Он знал, что будет так – и до конца был крепок,
Спасая правду от липучей лжи,
Он стал снимать кино, снимая жизни слепок
Прикосновением души...*

Валентин Гафт

Сегодня уже невозможно представить себе отечественный кинематограф без обаяния и комедийного дарования Леонида Быкова, давно ставшего легендой. Его талант сразу понравился внимательному глазу кинокамеры. Сколько положительной энергии и душевного тепла дарили его герои с экрана! Они восполняли дефицит доброты, особенно остро ощутимый сегодня. Яркая индивидуальность актера по-прежнему согревает сердца тех, кто помнит его. Быков навсегда останется одним из самых любимых артистов. Вспоминая его, невольно улыбаешься. Молодой актер, оставаясь самим собой, утверждал правду жизни, привнес в комедию свободное дыхание. Его герои старались не терять оптимизма и чувства юмора ни при каких обстоятельствах. С момента прихода их на экран прошло немало времени, выросло не одно поколение зрителей, а они по-прежнему незабываемы.

У каждого человека есть главное дело жизни. У писателя – это книга, у актера – роль. Для творчества Леонида Быко-

ва – создание образа обыкновенного человека. Суть таланта Быкова – человечность, это не просто его тема в искусстве, а внутренний знак, который не спрячешь.

Актер легко преодолевал официоз своего времени, его личность была несовместима с идеологическими штампами. Возможно, поэтому у быковских персонажей столь завидная судьба. Созданные Быковым образы: невезучий в любви Федя Мокин из «Укротительницы тигров», находчивый весельчак Максим Перепелица из одноименного фильма, Алеша Акишин с его врожденной потребностью жажды настоящей героической жизни из «Добровольцев», чистый помыслами, верный сердцем Алешка из «Алешкиной любви», разведчик, сорвиголова Сашко Макаренко из «Разведчиков», капитан Титаренко с его «Смуглянкой» из фильма «В бой идут одни старики» и бывалый солдат Святкин из военной драмы «Аты-баты, шли солдаты...» – отмечены подлинным мастерством. Все они с легким изящным юмором воплощают на экране общечеловеческий и гражданский идеал.

Быковская исполнительская органика предельно точна и естественна. И в этом – природа высокой достоверности созданных им образов. Обладая игровым умением актеров немого кино, которое во многом утрачено с появлением звука, Быков одним движением бровей передает внутреннее состояние героя. Миллионам зрителей запомнились трогательные комедийно-лирические образы Леонида Быкова, беззаветно и искренне умеющие любить. Хитровато-грустный

прищур лучащихся добротой глаз, неистребимый украинский акцент, искренность... Все это, помноженное на исполнительский талант, снискало Быкову преданную зрительскую любовь.

В этого несколько угловатого, но столь обаятельного паренька просто невозможно было не влюбиться. Вот признания тех, кто лично знал Леонида Федоровича. Актриса Ада Роговцева: «Это человек-идеал, человек будущего, которого тепло называли домашним именем – Ленья». Актриса Роза Макагонова: «Его любили все. Его мягкий говорок, его шуточки очаровывали, и вокруг него, где бы он ни был, всегда образовывался тесный кружок улыбающихся людей. А на съемочной площадке благодаря Ленечке возникала атмосфера легкости, творческого вдохновения и взаимопонимания. Он был очень талантлив как актер и режиссер, но также талантлив и как личность – светлая, человеческая и очень духовная».

С годами отношение к нему не менялось – Леонид Федорович по-прежнему пользовался огромным успехом у женщин. «Довженковские дамы находились в состоянии перманентной влюбленности, – делилась воспоминаниями редактор студии Эмилия Косничук. – Вначале всеобщим кумиром на киностудии был обладатель невероятной красоты и харизмы, эдакий мачо – Юрий Ильенко. Затем все полюбили нашего главного редактора, за которого впоследствии вышла замуж Алла Сурикова. Далее модным стал Ленья Быков. Но

если в двух первых случаях прекрасный пол страдал и строил планы, то по поводу Лени такие варианты не проходили.

Он был на пьедестале – никаких романов. В личной жизни закрыт, словно обратная сторона Луны. Я даже представить себе не могу, с кем бы Леня смог сходить налево. К нему все относились с обожанием. А он любые эмоции по отношению к себе мог растопить в обволакивающей нежности.

Кстати, Ленечка был очень щедрым человеком. Сам практически не пил, зато обожал угощать народ шампанским, говорить тосты, вспоминать что-то хорошее. Несмотря на невысокий рост, у него была красивая фигура – мощная, твердая, но при этом легкая и изящная. Я с ним часто танцевала на банкетах – это такое ощущение полета! От Быкова исходили сильные мужские флюиды. Не зря мы все, и я не исключение, были в нашего Ленечку влюблены».

Интересный случай из жизни вспоминает монтажер группы «Аты-баты, шли солдаты...» Александра Голдабенко: «Съемочная группа для него становилась просто семьей. Но почему мы не спасли его? Знали же, что трагедию человек носит в сердце... Тогда, в 1976 году, когда, кстати, он написал известное «Завещание», у него были сложнейшие отношения с сыном, со студией, с Госкино УССР... Но душу он никому не открывал! Переживал все в себе. Тогда еще сердце выдерживало... И мы веселились, шутили. Никогда не забуду 8 Марта 1976 года. Когда нас всех позвали в холл Загорской гостиницы, мы думали, что все будет, как всегда

было у нас в экспедициях, — минутное поздравление и рабочий план на 9 марта. И потому все женщины группы вышли в шлепанцах и халатах. Но каким же было «разочарование», когда мы увидели наших мужчин в костюмах, белых рубашках и галстуках, с букетами пышной мимозы (а в окна билась такая метель, был такой снег и мороз!). Помню, как все мы полетели переодеваться, как в лихорадке искали туфли на каблуках, как водой и ладонями гладили платья, томившиеся в чемоданах, как стали вдруг все красавицами... А Леонид Федорович был сама изысканность, сама галантность. Такого душевного подъема я больше не испытывала. Хотя 8 Марта отмечаю каждый год. От таких мгновений в подсознание входит что-то такое, что становится критерием, мерилom всего, что происходит потом».

Да, чтобы сыграть что-то на экране, актер должен обладать хоть половиною качеств, которые изображает. Быков же был героем на все сто. Кристально честный, бескомпромиссный человек и художник, сердце которого ранила малейшая фальшь и лицемерие, он наделял своих экранных героев трагикомичностью и добротой, беспредельной преданностью и душевным романтизмом — качествами, которыми в полной мере обладал сам. Актер Константин Степанков: «...Большого дарования, чистой совести и щедрой принципиальной гражданственности этот художник, этот человек переполнен любовью к людям, энергией и никогда не громыхал словом «Я».

Так уж повелось, что каждая эпоха рождает своего кумира и каждое новое поколение отрицает накопленный отцами и дедами опыт. Сколько прекрасных артистов и картин ушло в небытие. Однако, если фильм по-настоящему хорош, он не забудется. Так произошло и со многими фильмами, в которых участвовал Быков.

Что и говорить, столь популярных артистов, как Быков, в советском кино немного. Его лицо выделялось запоминающейся выразительностью. Фильмы с участием артиста и сегодня живы во многом благодаря неповторимой органике его комедийного таланта, необъяснимого захватывающего магнетизма и притягательной силе актерской энергетики. Даже героические поступки персонажи Быкова совершали без внешнего наигрыша и ложной патетики, что лишь добавляло им человеческого обаяния. Актер Лесь Сердюк: «...Во внешности Леонида не было ничего героического в расхожем понимании этого слова. Небольшого роста, щуплый, с простыми чертами лица ничем не примечательного паренька – он удивил с первой минуты знакомства беспредельным обаянием, искренностью и большим мужеством души. Из этих составных и образуется духовность Быкова».

Когда Леонида Федоровича спрашивали, как ему удастся оттенять те или иные черточки человеческого характера, он отвечал: «Я играю обыкновенных людей. Не приукрашиваю их, не сгущаю красок». И действительно старался показать своих героев такими, какими они были в жизни – просты-

ми, застенчивыми, порой немного смешными, а то и комичными, но всегда добрыми, честными и несколько упрямыми ребятами. Конечно, не все созданное Быковым равнозначно. Случалось и так, что актер присутствовал на экране, а талант его оставался за кадром. Слабый сценарный материал не давал возможности создать по-настоящему интересный характер.

Чтобы лучше раскрыть тот или иной образ, Быкову важно было понять своих героев. «Такое понимание – в основе нашей профессии, – делился он нюансами своей работы. – Сыграть хорошо – разве это не значит понять героя, проникнуть в его внутренний мир, как бы раствориться в нем? Раскрыть характер для зрителя – это, прежде всего, раскрыть его для себя. Персонаж может быть тебе чужд, враждебен – в любом случае, исполнение роли означает и познание ее». Столь зрелый подход к роли и есть первый этап проявления актерской режиссуры. В какой-то момент Леониду Быкову стало тесно в рамках только исполнительского творчества. Однако, найдя свою тему в режиссуре, он продолжает по-прежнему с удовольствием сниматься.

На экране – общительный, контактный, музыкальный, в жизни – малоприметный. Его талант словно сокрыт от посторонних глаз и вырывается наружу лишь в работе. «Рубахой-парнем с душой нараспашку его точно нельзя назвать, – вспоминала однокурсница Леонида Быкова по Харьковскому театральному институту Александра Чеша. – Солнечный,

остроумный, в то же время он был весь в себе. У Лени была исключительно обаятельная улыбка, но в глазах... все равно чувствовалась какая-то грусть...»

Кинорежиссер Николай Мащенко: «...Не сговариваясь, два человека – Иван Миколайчук и Алексей Петренко – сказали о Быкове: «Леня – это хлеб». Такая потребность была в этом человеке. При этом он нес необъяснимую грусть в себе. И, может, его улыбка была определенной защитой, чтобы не спрашивали, почему он грустный. Были и такие случаи. И тогда он, как правило, отвечал: «Да это не я грустный, это глаза у меня такие, а сам я очень даже веселый...» Но не все в эту его «веселость» верили. Просто все уже тогда осознавали его комедийное актерское и человеческое величие. Это мне напомнило анекдот: в одной веселой компании оказался невероятно грустный человек, которого ничто не могло развеселить. Тогда ему приятели говорят: «Ты пойдешь в цирк. Там есть такой невероятно смешной клоун, он и мертвого рассмешит!» А он им в ответ: «Так этот клоун я...» И Леня был вот из этого разряда».

Все, знавшие Быкова, выделяли это свойство его души – затаенную грусть. Да, было в нем что-то от грустного клоуна. Вот и Владимир Соссюра, многие годы друживший с Быковым, сравнивает его с Леонидом Енгибаровым, проводя аналогии и их судеб: «В начале 60-х в Киеве с неслыханным успехом проходили гастроли армянского цирка. Я познакомился с малоизвестным тогда клоуном Леонидом Енгибаро-

вым. Своими бессловесными репризами на арене он держал зрительный зал в бешеном напряжении, вызывая не только взрывы искреннего смеха, но и сочувствие к своему герою – извечной жертве жизненных обстоятельств и человеческой жестокости. И Енгибаров, и Быков хотя и веселили публику, но, вместе с тем, пробуждали в каждом человеке высокие чувства милосердия, сопереживания. И это объединило артистов. И трагическая судьба: Енгибарова не стало в 37, Быкова – в 50...»

С ним полностью была солидарна и Клара Степановна Лучко: «Быков обладал редким даром комедийного актера. Но во всех его ролях просматривался второй план – какая-то тоска, внутренняя трагедия. Зрители понимали, что не все так просто у героя фильма, и потому ему сочувствовали».

Очень точную, на мой взгляд, характеристику дала Леониду Федоровичу в нашей беседе по поводу 70-летия актера Любовь Сергеевна Соколова: «Человеком Ленечка был очень общительным, веселым, озорным, талантливым, светлым, открытым. Умел нести радость, весь словно сиял добротой – улыбка не сходила с лица. Мягкий, чудесный актер. Был балагуром, любил рассказывать шутки (сейчас уже не помню какие). Актеры и все съемочное окружение его очень любили. Он был намного моложе меня. Мы просто снимались вместе. Для меня он был и другом, и сыном – очень общительным. С ним легко было играть. А потом уже я видела его картины. И словно вновь была с ним рядом...»

Актер Владимир Конкин до сих пор помнит восторги своего детства, связанные с кино: «Леонид Быков – по сути, целая эпоха. Он был кумиром моего детства. Помню, в Саратове, недалеко от нашего дома находился летний кинотеатр с высоким деревянным забором. Верхние концы досок заструганы как пики. Но даже такая предупредительная мера не могла служить для нас мальчишек препятствием, если на афише была указана фамилия Быкова. Сколько штанов было порвано на этом заборе!

– Видел же ты эту картину три раза. Три раза я тебе деньги на билет давала! Так в четвертый раз ты на забор полез. Мне что, швеей на дому работать, одежду твою латать? – говорила раздраженно мама. И не знали тогда ни она, ни я, да и вообще никто не догадывался, что пройдет десять лет, я стану актером, и судьба приведет меня на Киностудию имени А. П. Довженко, где познакомит, подружит общим делом с любимым моим артистом Леонидом Федоровичем Быковым».

Словно подытоживая рассказ артиста, газета «Культура» 12 апреля 2002 года писала: «На международном кинофестивале 1995 года с берегов Москвы-реки на воздушных шарах улетели в космос портреты 100 самых знаменитых кинематографистов XX века, среди них был и портрет Леонида Быкова. Своей жизнью и творчеством, самоотдачей повысив нашу энергетику, он улетел в бессмертие, сгорев на Земле. И хочется с неба услышать его любимую народную песню «Ой, у лузі, та ще й при березі!», которую он слышал от своей тети

Мани в детстве и которую так самозабвенно поет в «Стариках» командир эскадрильи Титаренко...»

Пройдут годы... В сквере у Большого театра 9 мая уже не будут собираться ветераны... Но хочется верить, что по-прежнему в этот день телевидение будет демонстрировать быковский фильм «В бой идут одни «старики» и на всю страну снова прозвучит «Смуглянка».

А значит, будет жива и память о нашей великой Победе.

«Не расплескать бы душу!..»

Искусство – это не жизнь, это то, что могло бы быть жизнью.

Леонид Быков

Сказав это, Леонид Федорович был абсолютно прав. Если художник отдает себя всего, без остатка, служению искусству: десять лет на сцене Харьковского театра, девять лет работы на киностудии «Ленфильм», десять лет работы в Киеве, он имеет право на подобное изречение. За 9 лет работы на Киевской киностудии Быкову было позволено снять только три фильма, но успел он сделать только два. Да, безумно мало, но зато – какие фильмы! К пятидесяти годам Леонид Быков сыграл двадцать две роли и перенес три инфаркта. Он не боролся за награды, не гнался за славой... Эти и другие положительные качества сильно усложняли его жизнь. Такая цена правды...

Признание ко многому обязывает. Быкову было что сказать зрителям – и языком комедии, и языком героической драмы, к которой режиссер и актер Быков все более тяготел. Путь Быкова-кинематографиста был нелегок и пролегал от эксцентрической комедии к лирико-драматическим ролям, от героической драмы, в которой комедийный характер актера обогащался все новыми красками, – к сатирическому об-

винениям. Неизвестно, каким бы предстал перед нами Быков в «Пришельце», если бы работа была завершена.

Как жаль, что яркая творческая жизнь столь самобытного художника и опытного мастера, нашедшего свою тему в искусстве – в исследовании народно-героического характера в драматические, переломные моменты отечественной истории, оборвалась на самом взлете самовыражения, творческой карьеры искреннего и честного художника, зрелого мастера, человека редкой душевной красоты. И какое все-таки счастье, что, в отличие от театральных актеров, чье искусство уходит вместе с ними, от киноартиста остается пленка, один кадр которой может сказать больше, чем сотня чьих-то устных свидетельств.

Если попробовать спроецировать его судьбу на время, в котором мы живем, что бы делал Быков, был бы он востребован, как актер, как режиссер? Вряд ли бы он нашел свое место в сегодняшнем дне. Ведь у поколения, к которому он принадлежал, была совсем другая, единая группа крови. Чтобы приспособиться к нынешнему дню, нужен совсем иной талант, которым Быков не обладал. Вот тот же Андрей Миронов вполне мог бы стать сегодня первым сериальным артистом. Таков характер его таланта – спокойно перейти с одной стороны улицы на другую. Быкова же просто невозможно представить в контексте сегодняшней жизни. Именно этим, в первую очередь, он нам всем так дорог.

Не вина Леонида Быкова, если художнику с радостным,

оптимистическим взглядом на мир, в жизни приходится примерить на себя одежды трагической фигуры. А он и не смог бы по-другому, поскольку размышлял о происходящем вокруг с повышенной эмоциональностью и болью. Не похожий на своих комедийных персонажей, остро чувствующий несправедливость, бесконечно ранимый и одновременно, по-своему, очень сильный, мало кому раскрывающий свои мысли и чувства... «Закрытость» – маска, которую он иногда был вынужден на себя надевать, помогала ему выживать.

Несмотря на всенародную любовь, Быков на протяжении всего творческого пути испытывал колоссальные трудности: его сценарии подвергались жесточайшей критике, фильмы – цензуре, а со стороны коллег была не только дружеская поддержка и участие, но еще и зависть, неприятие, торжество посредственностей над сильным, независимым талантом. Однако время расставляет все по своим местам. Книжки, картины, фильмы живут абсолютно самостоятельной, не зависящей от их создателей жизнью. С момента смерти их автора они утрачивают с ним прямую связь и начинают развиваться во времени, меняясь с каждым новым поколением читателей и зрителей. И здесь немаловажно, что представлял из себя автор, создавший для нас свое произведение. Чему он нас учит...

Евгений Матвеев вспоминал, как, готовясь к собственному режиссерскому дебюту – картине «Цыган», он обратился

за советом к Быкову и услышал: «Главное – за монтажом, ракурсом и панорамой не расплескать бы душу!.. Ты только не смейся... Мне кажется, душа нашего народа чуть-чуть улыбается... Даже когда болит – улыбается». И правда, в его картинах «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты...» душа солдата чуть-чуть улыбалась вслед за душой самого Быкова.

Талант, мастерство, оригинальность и чувство ответственности, равнодушие художника и правильное ощущение времени, в котором он живет, – необходимые составляющие творчества. Повенчанные личностью художника, они определяют значимость и глубину его произведений, характер и мощь. Все это в полной мере относится и к быковским работам и особенно ярко ощущается в двух его последних режиссерско-актерских картинах.

В народе про таких, особо стойких бойцов, говорят: «Этот человек прошел огонь, воду и медные трубы». Мол, ему ничего не страшно, он все преодолел и сумел не потерять себя. Бывает, человек с честью пройдет все испытания и трудности – «огонь и воду», закаляющие его характер и волю, а перед «медными трубами» – фанфарами славы и успеха спасует, ведь последнее испытание самое коварное и трудное. Не каждому суждено устоять перед сверкающим сиянием Славы. И далеко не всем, достойно прошедшим «огонь и воду», удастся вырваться из объятий «медных труб». Немало людских судеб искалечила «госпожа Удача». В кино подобных

горьких примеров немало.

Даже стоя на пьедестале Победы, человек порой не до конца отдает себе отчет в неустойчивости своего положения. Порой прозрение наступает слишком поздно. Когда сладкий туман побед рассеивается и триумфатор остается один на один с собственным «я»...

Главная опасность «медных труб» – поверить в свою исключительность, – считал постановщик фильмов «Сорок первый», «Баллада о солдате» и «Чистое небо» режиссер Григорий Чухрай. «Одним из важнейших для творчества качеств художника является, на мой взгляд, умение прислушиваться к законам искусства, – делится он мыслями по этому поводу на страницах книги «Мое кино». – Даже не понимать, а чують их. Художник, уверовавший в свою исключительность, решает, что все зависит от него самого, и начинает навязывать искусству свои собственные законы. В этом причина многих бед». Вот, скажем, во времена Древнего Рима победителя встречали триумфом, но сзади на колеснице стоял раб, который через определенный промежуток времени напоминал триумфатору, что он не бог, а простой смертный, для того, чтобы тот не терял чувства реальности. И это имело успех.

К такому человеку, как Леонид Быков, в полной мере применимы слова шекспировского Гамлета: «Он Человек был в полном смысле слова». Леонид Быков был художником, тонко чувствующим свое время. Всматриваясь и вслушиваясь в

окружающую жизнь, он старался постичь ее суть, понять ее законы, чтобы использовать это в своем творчестве. Тот же Григорий Чухрай, чтоб не терять связи с реальностью и не зазнаваться после триумфа своих картин, взял себе за правило по окончании работы над фильмом писать бескомпромиссную авторецензию. И в этом не было ни самобичевания, ни мазохизма, а одно только желание дольше сохраниться художником и не повторять ранее допущенных ошибок.

Леонид Быков с честью прошел испытания, отмеренные ему судьбой, остался чистым душой и сердцем, скромным и застенчивым человеком. Нигде, никогда, ни единого раза не использовал Быков своей огромной популярности. Друг артиста, соавтор сценария «Стариков» киносценарист Евгений Оноприенко вспоминал случай, когда их пригласили на встречу с работниками книжной торговли. Открывалась возможность приобрести дефицитные издания, о чем им тут же и упомянули, чтобы уговорить приехать. Так вот если б не эти обещания, Быков бы, возможно, и поехал. А так – отказался наотрез. И затем где-то у кого-то выпрашивал на день-два почитать книжные новинки. Ада Роговцева вспоминает: «Как-то он сказал мне с грустью: «Вот, за границу не пускают. Говорят, сердце слабое, опасно». Ясно, что это была отговорка. А он верил. Его добротой злоупотребляли, обманывали. Перед ним часто стояли задачи, которые невозможно было решить. Как будто Господь проверял его...»

Леонид Быков обладал еще одним важным для режиссера

качеством – не лгать своим зрителям, разговаривать с ними доверительно и честно, не как строгий назидательный учитель, а добрый советчик, говорящий правду о жизни. Ведь бывает и так, что люди, живя в обстановке заедающего быта, перестают отличать честность от подлости, замечать окружающую красоту. Искусство очищает жизнь, украшает, возвышая правду искусства над правдой жизни. Как художник, требовательный к себе, Леонид Федорович бережно относился и к мнению людей, для которых работал, стараясь без искажения донести до зрителей истинное положение вещей.

Евгений Оноприенко: «Жизнь не баловала Быкова. Знал он и несытость, и бесквартирье, и безденежье, знал все беды простого краматорского люда. Но он многократно усложнял себе жизнь такими максималистскими требованиями к себе – во всем буквально! – что выдержать такое мог, вероятно, он один. Очень он любил – какой-то тайно гордой любовью – нашу с ним общую родину – Донбасс, превосходно знал шахтеров, металлургов, показывал такие типажи и обряды, так говорил о своем Краматорске, что мы за головы хватались: Леня, это же кинокартина, да какая! Делай ее! Но он не спешил, все искал, все ждал, копил в душе...»

Вот что говорил о Быкове режиссер Алексей Симонов в статье «О тех, кого помню и люблю. Счастливчик» в апрельском журнале «Искусство кино» за 1987 год: «Актер, если он настоящий актер, а уж кто же был настоящий, если не Леонид Быков, вкладывает в роль всю душу. Но, ни одна роль,

даже Гамлет, не в состоянии вместить всей актерской души. И если роли, идущие одна за другой, вмещают в себя практически одну и ту же часть души актера – это превращается в амплуа. Бывает, что другие части этой актерской души отмирают или впадают в глубокую спячку, и актер замыкается в своем амплуа. Оно становится формой его существования. У Быкова часть души, не вместившая в его роли конца 50-х – начала 60-х годов, не просто болела, свербела, мешала жить – она бунтовала. Этот тихий удачник ел себя поедом за каждое повторение.

Наверное, он был эгоистом, но удача средней, по его внутренней оценке, картины, в которой он снимался, не приносила ему ничего, кроме разочарования. Зависимость актерской судьбы от чужой воли, чужого вкуса и пристрастий, которую большинство актеров считает неизбежным злом, оборотной стороной профессии, он не принимал, он бунтовал, и многим этот бунт на самой вершине успеха и известности казался таким «с жиру бешенством», в том числе и тем, от кого зависела его дальнейшая судьба.

Все мы зрители. Профессионалы, дилетанты, любители. По членскому билету в Дом кино, за кровный полтинник или по должностной необходимости в кресле маленького зала. И у всех у нас свои пристрастия. И пристрастия эти консервативны по преимуществу. Не случайно новое кино – хочешь, не хочешь – выдвигает нового актера. Старому бы этого не простили, не приняли. И поскольку зрителем каждый из нас

ощущает себя в отдельности, мы слабо представляем себе, каким прокрустовым ложем для артиста является иногда наша совместная неизменная любовь к его уже сыгранным ролям...

Порой артист получает возмущенное письмо зрителя, в котором тот обвиняет его в том, что он изменил себе, сыграв что-то на себя, прошлого, непохожее, совершенно испортив впечатление о себе. И даже не подозревает, что тем самым, возможно вгоняет гвоздь в его, артиста, гроб. Один известный артист рассказывал, как один из руководителей кино просто перестал с ним здороваться и даже замечать его после того, как он вслед за несколькими положительными ролями не менее удачно сыграл роль подлеца. Эти наши «прокрустовы объятия» загубили не одну актерскую попытку вырваться из плена ампулы и действительно во всем объеме использовать свое дарование. Нами покалеченным – нет им числа. Давайте это помнить.

Быков себя покалечить не дал. Это обошлось ему в десять лет простоя».

Как требовательный художник, Леонид Федорович ревниво и тщательно знакомился со сценариями, многие отвергал и потому часто находился в досадных и длительных «простоях». Ему не раз предлагали поехать на одну постановку на тот же «Мосфильм» – чиновникам от кино казалось, что это неплохой выход из создавшейся ситуации – есть работа и не надо никуда переезжать. Быкова обижал такой подход:

«Я хочу снимать хорошие фильмы на своей студии, а не в примаках». Неоднократно приглашали Леонида Федоровича и преподавать актерское мастерство, но он как мог отказывался, объясняя это тем, что еще не достиг подходящего для педагога мастерства и не имеет морального права учить молодежь – настолько требовательным был к себе.

Владимир Конкин однажды признался, что получил три человеческих и творческих урока, которые наиболее повлияли на него в жизни. Первый урок преподавал Николай Машенко во время работы над экранизацией «Как закалялась сталь», второй – Леонид Быков, когда создавались «Аты-баты, шли солдаты...», третий – Владимир Высоцкий на съемках телефильма «Место встречи изменить нельзя».

«Знаете, это как два коня в упряжке, – рассказывал артист, – один: давай! давай! скорее! еще нажми! – другой: не могу... погоди... дай передохнуть... Я не выдерживал задаваемого ими темпа, какого-то совершенно бешеного напряжения. Казалось, они никогда не устают, всегда в форме, в рабочем состоянии. Нельзя было представить, что у этих людей может что-либо болеть или, скажем, быть хотя бы насморк... Так же, как не могу вообразить их вялыми, расслабленными, заторможенными. И дело тут не столько в природном темпераменте, как мне кажется, сколько в особом свойстве души. У Быкова, когда он снимал эпизод, где его герой танцует, очень болело сердце. Но он выдавал свой коронный номер несколько дублей подряд с такой легкостью и озор-

ством, что никто не догадывался о его физическом состоянии. Я узнал случайно. Он не пощадил себя, не поберег, хотя вполне мог отменить съемку. Общее свойство, которое, по-моему, объединяет столь разных художников, – способность к полной, до конца идущей самоотдаче. Индивидуальное свойство Леонида Федоровича – исключительная доброта... «Все слабости человека прощаю я актеру, и ни одной слабости актера не прощаю человеку» (Гете). У Быкова не было не только слабостей актера, но и слабостей человека. Возможен ли такой уникальный случай? А впрочем, так ли уж важно знать, где кончается житейская правда и начинается легенда, которую человек и сам творил, и творили за него...»

Однажды на студии был снят необычный фильм – поэтический, оригинальный и довольно непривычный, мнения кинематографистов по поводу него разделились. Зритель своим рублем проголосовал против – не пошел смотреть картину. Леонид Федорович отзывался о ней так: «Советское кино может позволить себе роскошь иметь и такой фильм. Иначе – как развивать и обогащать киноязык?» При этом говорил он всегда так тихо, словно затаенно, еле слышно, что приходилось прислушиваться даже находившемуся с ним рядом человеку. Его отличала интеллигентность – в высшем понимании этого слова, единственно правильном. Это было не наносное, внешнее, заметное всем одеяние интеллигентности, а то внутреннее, органичное, что издревле было при-

сущее людям деликатным, обладающим развитым чувством такта. Это была интеллигентность не как форма поведения, а как способ существования. Оживленным и радостным Быков бывал только в работе. Да еще на рыбалке, в особенности в удачные дни, когда клевало, как говорится, и на червяка, и на «мастырку». В работе был всегда подвижным, веселым, настойчивым и очень занятым.

На студии знали, что исполнителей в свои фильмы Быков подбирает без проб, зная, какая это огромная травма для отвергнутого актера. У режиссера-Быкова не было уничижительного: «Тот подходит, этот не подходит». Единственный, за кого он стоял горой, был Алексей Смирнов. Леонид Федорович настоял, чтобы в роли механика эскадрильи снимался именно он. Быков очень любил этого артиста, относился к нему как к отцу.

Стиль работы Быкова на съемочной площадке, по признанию тех, кому довелось с ним работать, разительно отличался от того, что порой наблюдать в других группах. Здесь не слышно было ни крика, ни выговоров, ни дразг. Со всеми членами группы режиссер был вежлив, ни с кем не фамильярничал, но и другим не позволял. На съемочной площадке царила хорошая рабочая атмосфера. Простота Быкова не была той простотой, про которую в народе говорят, что она хуже воровства. То была полная достоинства простота хорошо воспитанного, содержательного и доброго человека, чуждого всякой позы и неестественности. Быков всегда оста-

вался самым собой. Его деликатность свидетельствовала об уважении к людям и к себе самому. Неспроста руководство студии поучало молодых специалистов: «Если хотите узнать, каким должен быть режиссер, – идите на площадку к Быкову». Леонид Федорович никогда не позволял себе сделать во всеуслышание замечание актеру, как это делалось, да и теперь еще нередко делается в иных группах. Подойдет, бывало, к актеру и о чем-то поговорит с ним вполголоса, потом вернется к камере и объявит съемку. Смотришь, исполнитель и заиграл совсем по-другому.

Иногда, чтобы снять напряжение на площадке, Быков рассказывал какую-нибудь забавную историю. И тут же все вставало на свои места – актеры начинали репетировать с новыми силами только что неудавшуюся сцену. И эпизод получался. Быков знал, что иногда одна к месту сказанная фраза может поставить все на свои места. Считал подобные передышки очень важными в работе, поскольку они помогали актерам вернуть нужную рабочую атмосферу – вновь обрести свежесть ощущения ситуации, снять механическое воспроизведение заученного текста, восстановить остроту восприятия роли.

В этом Леонид Федорович был солидарен с режиссером-классиком Михаилом Ильичом Роммом, считавшим, что работа с актерами – процесс интимный и требует особого душевного контакта. Неверно, что актер в театре общается только со своими партнерами, не менее важно его соприкос-

новение со зрительным залом. Быков, имеющий опыт театрального актера, осознавал всю значимость подобного контакта. В кинематографе зал заменяет один-единственный человек – режиссер. Как же играть, если он груб, не уважает, не любит актера? Даже в самых трудных, конфликтных ситуациях, которых порой не избежать на съемочной площадке, Быкову удавалось найти понимание. Он искренне уважал мнение коллег и никогда бы не смог кого-то обидеть или оскорбить. И при этом обладал невероятной твердостью и бескомпромиссностью – качествами, так необходимыми режиссеру. Актер Константин Степанков: «Чем дальше от тех дней, тем сильнее ощущается, как нужен был бы сейчас Леня и ему подобные. От него никто не слышал не то что бранного, а даже громкого сердитого слова. Даже когда срывались съемки... Это был человек чистой совести».

Иван Гаврилюк: «Я снимался у Леонида Федоровича в фильме «Аты-баты, шли солдаты...». И скажу одно – это были прекрасные, светлые дни общей работы. Он понимал артистов, ибо сам был артистом. И как же он их любил! Сколько новых имен для кино открыл именно Быков! Леонид Федорович умел каждому актеру по-своему, в зависимости от его индивидуальности, доказать, что тот хороший и незаменимый исполнитель, заставить его поверить в себя.

Леонид Быков был сильным – и в образном, и в буквальном понимании этого слова. А сильным редко помогают, редко поддерживают, редко берегут, потому что кажется лю-

дям – сильный сам все преодолее, все препятствия сметет. А это далеко не так. Еще он был слишком доверчивым и добрым. Как сказал когда-то Иван Миколайчук: «Леня – это хлеб...» А что может быть выше и святее хлеба? Без хлеба выжить тяжело».

Актер Дмитрий Миргородский: «Трудно смириться с нелепым, внезапным уходом с земли дорогого тебе человека. И тем более чем щедрее талант, чем бескорыстнее его душа. Именно таким, необыкновенно щедрым, удивительно благородным человеком был и остается в моей памяти Леонид Быков. Одержимый добрыми идеями и прекрасный в работе человек. Мне достаточно было утром (и когда я был в скверном настроении, и в скверную погоду) встретить его, чтобы день мой стал светлым и плодотворным. Он умел снимать боль...

Он умел открыть актера. Умел открыть в известных уже актерах новые грани таланта. Я любил его открытия. Мне жаль его несыгранные роли. Я ценил его отвращение к бездуховности и равнодушию. В нем кипела замечательная страсть деятельности. Рядом с ним невозможно было не работать. Его фантазии, буквально безоглядно, доверялась вся съемочная группа. Ах, какой это был праздник – общение с ним...»

Действительно, все знали насколько интересным собеседником и превосходным рассказчиком он был. Природа щедро наградила Леонида Федоровича ясным умом и неисто-

щимым юмором. Задушевный тембр и мелодика голоса, сама манера говорить придавали его речи необычайную конкретность и особый, присущий только ему колорит. Среди режиссеров немало прекрасных рассказчиков. И все же Быков выделялся разнообразием самых разных, чаще веселых, точно подмеченных им в жизни историй, в которых напрочь отсутствовали свойственные многим представителям актерско-режиссерской братии такие составляющие, как злость, зависть, зубоскальство и пошлость. Смеяться так, как это делал Быков, могут только очень добрые и талантливые люди. Не считал он зазорным пошутить и над собой, от чего еще больше вырастал в глазах собеседников.

Евгений Оноприенко: «Поразительна скромность этого человека. А ведь Быков и в период своей актерской деятельности, и особенно в последние годы, когда стал режиссером, был чрезвычайно популярен. Это была не блестящая сенсационная слава кинозвезды; это была не показная, какая-то глубинная любовь народа к своему народному артисту. Друзья много раз были свидетелями не только этой любви, но и того, как избегал популярности Быков, как не любил шума, суеты, аплодисментов. Нелегко было заполучить у Леонида Федоровича хотя бы интервью: о статье уже и не заикались. Быков четко и ясно заявлял, что он не вправе писать статьи, ибо считает, что это для него – рано.

...Я помню, как в Баку, на Всесоюзном кинофестивале, где фильм «В бой идут одни «старики» получил первый

приз, шла настоящая охота, осада Быкова тележурналистами. Они чуть не плакали: начальство требовало у них интервью с режиссером, требовало снять его рассказ о кино, о фильме, а Быков категорически отказывался от встречи. В отчаянии они бросались ко мне, и я пытался уговорить Быкова, пуская в ход, в общем-то, прием запрещенный: что, мол, это ребята-трудыги, что им ни за что ни про что грозят серьезные неприятности из-за его отказа – я знал его обостренное чувство справедливости. Но он легко обнаружил мою хитрость и остался неумолим. Пожалуй, впервые за историю таких фестивалей так и не состоялось интервью с лауреатом.

И теперь, вспоминая те дни, я вдруг обнаруживаю совпадение. Точно так же вел себя в Баку и Василий Шукшин, которого едва разыскали и доставили в город в последний день для вручения приза. Быков не был знаком с Шукшиным. Я все хотел познакомить их и просил об этом Лиду Федосееву-Шукшину. Но Леня в последний момент заробел, застенялся. Да, так было, не выдумываю ни крохи.

Еще помню торжественный зал, красные коробочки с орденами. Он все норовил спрятаться подальше, за спины. А когда вышел из здания Верховного Совета и по традиции все встали для групповой фотографии, опять его едва нашли, заставили надеть новенький орден Октябрьской революции. Но он исчез сразу после съемки, на банкете его не было. Позже случайно я узнал, что у него есть и другой орден – «Знак

Почета».

Как часто бывает, что некоторые кинорежиссеры берутся за любые работы, за случайно подвернувшиеся сценарии, ремесленно интерпретируют чужие замыслы, лишь бы снять фильм. Быков так не мог. Еще не был написан сценарий, а Леонид Федорович уже явственно видел фильм, его героев. Когда на встречах со зрителями он рассказывал эпизоды своей будущей картины «В бой идут одни «старики», создавалось впечатление, что лента уже снята, настолько режиссер сжился с ее образами.

Несколько вещей были святы для этого человека. И одна из них – Отечественная война и ее люди. Он сам не успел повоевать и относился к воевавшим людям благоговейно. Но и эту любовь он проявлял на свой лад – молча и незаметно. Как-то на встрече или премьере ему вручили огромную, великолепную корзину с цветами. И против своего обыкновения, он ее взял. А назавтра рано, очень рано утром, вместе с дочерью отвез эти цветы на Могилу неизвестного солдата».

Можно не сомневаться, что, если бы Быков успел попасть на войну, он стал бы честным и храбрым воином, таким, как были его герои. Однажды на показе картины «В бой идут одни «старики» в Военно-воздушной академии им. Гагарина седой генерал с золотыми звездами на кителе, глаза которого были подозрительно красны после просмотра, встал и сказал: «Я бы тут же зачислил Быкова-Титаренко в свою часть и дал бы ему эскадрилью». То было истинное призна-

ние солдата и человека.

Леонид Быков в полной мере познал счастье народной любви. Сколько было встреч с летчиками и моряками, шоферами и студентами, строителями и служащими... Ему довелось объездить всю нашу некогда огромную страну – побывать в Сибири и на Камчатке, в Заполярье и на юге... И всюду его с нетерпением ждали. Леонида Быкова не просто любили, его обожали, боготворили. И для всех он был своим, близким человеком.

Рассказывая о своем творческом пути, Быков всегда говорил просто, но очень сочно и красочно, сопровождая рассказ яркими примерами. И говорил больше не о себе, а о своих коллегах – артистах кино и их нелегком труде, формулируя основную тему своего творчества так: «Мои герои – самые обыкновенные рядовые люди, такие, как все. Обычны они сами, и труд их скромнен. Но присмотритесь к ним получше. Так ли они обыкновенны на самом деле? Попробуйте постичь в их обыкновенности, неяркости, необыкновенность и глубокую значимость их каждодневных поступков, любви их к жизни».

Леонид Быков преклонялся перед людьми труда, мастерами своего дела – летчиками, артистами, слесарями, моряками... и никогда этого не скрывал. Он ценил людей настоящих, честно и преданно выполняющих порученную им работу. Очень дорожил их признанием. Даже скупое, но заслуженное, от всего сердца высказанное одобрение его фильма

такими асами, как Покрышкин, было ему во стократ дороже самых жарких, но неискренних, натянутых похвал коллег.

Любимым его одобряющим определением человека было краткое и очень точное, придуманное им словосочетание – «глубокий парень». Быков хорошо чувствовал людей. Не было случая, чтобы он ошибся в характеристике того или иного человека. Глубоким по его определению был Василий Шукшин. Глубоким был Георгий Бурков, с которым он познакомился у Сергея Федоровича Бондарчука на пробах картины «Они сражались за Родину». Надо сказать, что жизнь не баловала Леонида Федоровича на счастливые встречи, и «неглубоких» людей на его пути встречалось куда больше.

Возможно, феномен Быкова – в сути его таланта, в его Человечности, Интеллигентности, в четко сформулированной им в искусстве собственной теме. Это подтверждает и Евгений Оноприенко: «Как он мучился, ища тему, сценарий, сколько порассказал долгими вечерами, когда шли по нашему привычному маршруту – вокруг Русановки. Смело утверждаю – то, что Быков отбрасывал, четыре пятых наших режиссеров могли бы считать за счастье получить в руки. А ему было мало. Ибо обладал поразительным, абсолютным чувством жизненной правды. И поразительным, абсолютным вкусом. Видимо, это и есть талант.

Не надо думать, что Быков был ходячая добродетель, свод праведных истин и правил. Он был живой, увлекающийся и азартный человек. С ним бывало и нелегко. Особенно близ-

ким людям. Но он не был мстительным – никогда! Он был выше мести. И в этом было и величие, и подлинная, врожденная, истинная интеллигентность настоящего человека».

С Оноприенко солидарна и киноисторик Лилия Мамадова, написавшая о Быкове в книге «Многонациональное советское киноискусство» следующее: «Доверчивая искренность лица проступила сквозь легкий, счастливый быковский дар веселить людей. Да и сам его юмор, по-детски непосредственный и по-детски же простодушный, говорил о душевном здоровье, о доброте и светлости натуры. Ничего не было в его актерской манере от едкой или задней мысли, от скепсиса или иронии – все наивно, все с абсолютным доверием. К себе и миру, к зрителю и своему искусству. Как у трагика, а не у комика. Или как у Иванушки-дурачка в русских сказках, который побеждает не потому, что хитер, а потому, что прост и чист сердцем.

Это был тип личности, формировавшийся в 50-е годы, народный характер, целиком принадлежавший своему историческому времени, с его сильными и слабыми сторонами. Таким быковского героя приняли и полюбили зрители, таким могли любить еще долго. Но в двух своих лучших режиссерских работах: «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты...», где Быков участвовал и как актер, интонация его любимого героя чуть-чуть изменилась: балагурит он все с более серьезным лицом, а все более серьезные вещи говорит как бы в шутку. Что-то умное, деликатное, мягко интелли-

гентное появилось в его манере. «Век наивности», столкнувшись со страшной реальностью войны, хочет любой ценой уберечь от гибели свои хрупкие идеалы – идеалы добра и человечности, красоты и любви. Но инстинктивная неприязнь к патетике, боязнь фальши заставляют автора улыбаться даже в такие моменты, когда кажется, что улыбнуться сейчас грешно. Это не от легкомыслия, а от строгости, от стыдливости и целомудрия сердца. И еще это инстинктивное средство самозащиты – не примирения с действительностью, с которой примириться нельзя, нет: это способ перенести страдание, спасти в немыслимых для человека условиях душевное здоровье. Так, улыбаясь, хотя и с примесью горечи, народ вместе со своими Василиями Теркиными лечил душу в жестокий час беды.

Говорят, что по уровню юмора можно судить об уровне интеллигентности человека. В этом смысле небезынтересно, что в ленте «Аты-баты, шли солдаты...» все явные признаки интеллигентности отданы герою Владимира Конкина, свежеиспеченному младшему лейтенанту с тонким, наивно-серьезным лицом хорошо воспитанного человека, безупречно знающего свой воинский долг. Но пока это только внешние знаки, потому что по-настоящему, глубинно интеллигентен как раз простоватый, якобы вечно несерьезный ефрейтор Святкин в исполнении Леонида Быкова. Именно он облегчает своему юному командиру страшную «игру о жизни и смерти», беря на себя с улыбкой самые опасные роли».

Подобно многим артистам, Быков обладал и чертами актерской индивидуальности, которые невозможно полностью скрыть никаким гримом, никаким перевоплощением. И все же он никогда не старался остаться самим собой, подменивая собственной индивидуальностью образ очередного экранного героя, как бы ни было трудно перешагнуть через специфичность своего актерского облика. Острая характерность его таланта и актерской судьбы в кино порой мешала. Однако, к чести исполнителя он, как мог, боролся с этим, пытаясь уйти от штампа, от общепринятых рамок амплуа.

Несмотря на то что Леонид Быков – актер комедийного дарования, творческий диапазон его гораздо шире, многограннее. И все же именно комедийными ролями в первую очередь он снискал себе признание и успех. Природа комического сложна и неоднозначна. Обаяние Леонида Быкова в немалой степени зависит от присущей ему особой манеры игры. Под смехом Быкова всегда подразумевается что-то серьезное, ему присущи собственное понимание комического, острота взгляда на вещи. Актерский талант Быкова сродни таланту звезды 30-х Петру Мартыновичу Алейникову – он так же специфичен и неповторим. И пусть герои Леонида Быкова портретно легко узнаваемы – вряд ли найдет-ся зритель, не узнавший иронического прищура его глаз, носа «уточкой»... Внутреннее содержание каждого образа, созданного Быковым-актером, неповторимо.

Человеческое участие, сопереживание, душевная щед-

рость – черты подлинного художника. Талант всегда щедр и не боится раздаривать себя. С точки зрения привычных мерок, Быков, возможно, и не был красив, но какое это имело значение для тех, кто был очарован удивительно притягательным душевным обаянием этого веселого, отзывчивого, бесконечно доброго, с милой застенчивой улыбкой человека. Все, кто так или иначе соприкасался с ним в работе или в быту, вспоминают с благодарностью время общения, подаренное им судьбой. Друзья сняли о Леониде Быкове документальный фильм, получивший очень точное название: «...Которого любили все». Сколько лет нет Быкова, а о нем и сегодня говорят как о живом, вспоминают с любовью и тихой грустью.

Актер Алим Федоринский: «Леонид Федорович краснел, как ребенок, когда кто-то ругался в его присутствии матом (а ему было 45 лет!). Стеснялся носить галстук, надевал его в крайне редких случаях. Одевался очень скромно. Стеснялся ездить в своей машине (у друзей-то машин не было!). Стеснялся и краснел, когда его узнавали прохожие. Все переживал в себе. Но какое чувство справедливости!» «Он был очень скромным, болезненно ранимым и стеснительным человеком. В 50 лет он еще мог краснеть», – вторит ему друг Быкова, актер Владимир Талашко.

Надо сказать, что в дружбе Леонид Федорович был избирателен, не допускал панибратства, при этом оставаясь достаточно добрым и общительным человеком. В этом, воз-

можно, и была его удивительная изюминка, человеческая и актерская индивидуальность. Суламифь Цыбульник, кино-режиссер: «Фильмы «В бой идут одни «старики» и «Аты-баты, шли солдаты..» снимал оператор Владимир Войтенко. Дружба Леонида Быкова и Владимира Войтенко была давней, еще со времен картины «Судьба Марины», которая была актерским дебютом Быкова. Этих двух людей многое роднило в творчестве и чисто по-человечески. Оба немногословны, скромны.

После фильма «Аты-баты, шли солдаты...» В. Войтенко тяжело заболел. Случилось так, что я находилась в приемной директора студии, когда туда позвонила супруга В. Войтенко и сообщила печальную весть, что только что он скончался. Первым, кого я встретила, выйдя из приемной, был Леонид Федорович, и мне пришлось сказать ему о случившемся.

– Вы пойдете сейчас на квартиру Войтенко? – спросила я Леонида Федоровича.

– Нет, – ответил он, – сейчас нельзя туда идти. По народному поверью, душа его еще не отлетела...».

Ему едва исполнилось пятьдесят... Двадцать пять лет плодотворной жизни в театре и кино были посвящены рассказу о правде жизни, о его поколении и поколении его отцов. Когда Леонида Федоровича спрашивали о творческих планах, он, как правило, говорил: «Не знаю. Где попало и что попало играть не хочу. Это в молодости еще не грех быть всеядным, а когда годы уходят, думать надо. Завоевы-

вать авторитет у зрителей приходится десятилетиями, а потерять его можно одним-двумя плохими фильмами. Вот почему больше времени уходит на отказы от плохих сценариев и режиссерских предложений, пусть очень лестных, но чреватых опасностью потерять самое дорогое, что есть у актера, – уважение зрителей». Что-что, а уважение зрителей Быкову было не занимать, как и всенародную любовь.

Открывая в Московском Доме кино траурную церемонию прощания с народной артисткой России Лидией Николаевной Смирновой, Всеволод Николаевич Шиловский заметил, что эпитеты – «гениальная», «великая» и «грандиозная» на сегодняшний день размыты и за ними почти ничего нет. «Но сегодня мы прощаемся с действительно великой русской актрисой, народной любимицей, целой эпохой в русском кино, – признался он. – Она была человеком, который работал до последней секунды своей жизни и был современным до мозга костей». Мне кажется, что эти слова в полной мере относятся и к Леониду Федоровичу Быкову.

Я попросила Шиловского сказать несколько слов о Леониде Быкове: «У меня в кабинете висит портрет Быкова, – признался Всеволод Николаевич. – Второй такой индивидуальности нет. По-моему, он очень трагическая личность. Травили его так, как только умеют у нас, – хорошо, по-советски. Каждый фильм Быкова, кровью политый. Каждый фильм. А какой он актер! Даже если бы он успел перебраться в Москву – слышал, его звали возглавить Театр киноактера, его бы

просто сожрали здесь. Хорошо, что не успел. Была бы еще одна травма. Зная все эти механизмы, уверен, что он просто не выжил бы здесь.

Его спасательным кругом была работа в ремесле, которым он владел фантастически. Один только фильм «В бой идут одни «старики» переживет нас всех. А то, что его актерские работы будут жить вечно, я глубоко убежден. Такая органика, такое богатое нутро, такое обаяние человеческое, мужское – просто на вес платины! Быков не однодневка, он – крупнейшая Личность нашего искусства, к сожалению, так рано от нас ушедшая...»

С этим трудно не согласиться.

Тайны характера. О чем умолчали звезды

Сегодня, говоря о человеке, стало модно обращаться к его гороскопу, чтобы лучше разобраться в его характере. Попытаемся и мы понять, соответствует ли действительности то, что предсказали звезды Леониду Федоровичу Быкову, принадлежащему к знаку Стрельца.

Уникальное сочетание остроумия, интеллекта, целеустремленности и дипломатии, спокойный нрав, философский подход к жизни, порядочность и честность – далеко не все качества, определяющие характер Стрельца. Ими в полной мере обладал и Леонид Быков. А еще большой жизненной энергией и силой, искренностью, общительным и дружелюбным нравом. Недаром он заслужил уважение многих, знавших его. Особенно его любили представительницы прекрасного пола. В Быкове покоряла и его способность поддерживать со всеми ровные, доверительные отношения. Хороший рассказчик, душа любой компании, по молодости еще и инициатор добродушных розыгрышей, он органически не переносил мрачности и пессимизма. Говорят, о человеке многое может сказать его любимый анекдот. Вот анекдот от Быкова: «В черной-черной деревне, на черной-черной улице, в черном-черном доме сидел дед и спрашивал: «Куме, на

фига ты палил резину?»

Чистый сердцем, он слыл идеалистом. Не умел копить деньги впрок, жил сегодняшним днем, безоглядно веря в то, что завтра будет лучше, чем вчера. Когда водились денежки, Быков с легкостью давал их взаймы, считая неудобным уточнять о сроке возврата, полностью полагаясь на порядочность человека. Этой его доверчивостью пользовались. Помимо того, к нему часто обращались за помощью, зная, что всегда найдут в его лице поддержку и понимание.

Говорят, на Леонида Федоровича просто невозможно было сердиться или обижаться. Быков никогда бы не смог оскорбить человека. Все знали, что если он кого-то «взгрел», то сделал это не со зла, а сугубо в производственных целях. Трудно представить Быкова, разговаривающего с кем-то на повышенных тонах. В особо эмоциональных случаях Леонид Федорович просто замолкал или переходил на сосредоточенный шепот (почти так же, как его герой, разговаривающий с разбушевавшимся начальником в столь примечательном эпизоде фильма «Зайчик»).

Воображение философа, прямолинейность бойца, редкий творческий дар и, как следствие, насыщенная событиями жизнь, доставляла своему обладателю немало хлопот. Самообладание и оптимизм помогали Быкову выстоять в самые трудные периоды. Многим казалось, что никакие невзгоды не в силах сломить этого человека, и ему не представит труда найти выход из любой, даже самой безысходной ситуации.

И все же судьба благоволила Быкову и всячески его поддерживала. Везение и удача проявлялись не только в получении актером хороших ролей и в признании публики, но и в возможности следовать собственным путем. Доброжелательность по отношению к окружающим, внешняя безмятежность, плавные жесты и выраженная певучесть размеренной речи выдавали в Быкове внутреннюю гармонию с самим собой. Возможно, это шло от семьи — от той, которая его воспитала, и не менее от той, которую он создал сам по молодости лет.

Быков слыл однолюбом, что редко случается в актерской среде. Со стороны казалось, что он вполне счастлив. Истинное положение вещей знали немногие. Что на самом деле творилось в душе у Леонида Федоровича, было сокрыто даже от самых близких друзей. Несмотря на свойственное ему чувство ответственности, нести это бремя было нелегко, ведь в душе Леонид Быков так и остался большим ребенком, не примирившимся с суровостью обыденной жизни.

И все же Быков мог быть и другим. Он становился непреклонным с людьми, злоупотребляющими его доверием или проявляющими по отношению к нему излишнюю фамильярность. Возмущало Быкова и проявление власти над собой. Ему не раз приходилось самостоятельно отстаивать собственную позицию ради правды, за которую он шел до конца. Не выносил Быков и того, когда при нем кого-то незаслуженно обижали. Трудные годы военного детства научи-

ли его давать обидчику надлежащий отпор. Знак огня сделал его очень эмоциональным человеком. Его завораживала опасность. Гороскоп Стрельца наградил его еще одним качеством, о котором, возможно, и не подозревали близкие, — Быков любил скорость, это в конечном итоге его и сгубило...

Поначалу Быков отличался крепким здоровьем и завидным сопротивлением к болезням, что вызывало восхищение у окружающих. Напрасно близкие ставили ему в вину, что он мало думает о себе. На это у него просто не было времени. Постепенно недуги все чаще стали давать о себе знать, поскольку профессия актера редко обходится без травм. Благодаря бойцовой закалке Быков научился быстро с ними справляться.

Однако слишком часто ему приходилось встречать отпор людей, не одобряющих его стремлений. Неспособные к мечте, они старались, пока это было в их власти, в зародыше загубить любые начинания неисправимого романтика. Отстоять удавалось немногое. И для этого тоже требовалось огромное мужество и самообладание. Следствием психологических боев местного значения стали невидимые миру зарубки на сердце. Оно оказалось беззащитным к подобным испытаниям.

Несмотря на внешне веселый, добродушный нрав, в Быкове все время жило и рвалось наружу неосознанное стремление к чему-то новому, недостигнутому. Он помнил, как в молодости стремился наиболее полно проявить свой та-

лант, показать, на что он способен. Тогда его избранницу привлекли в нем этот напор и постоянство, с которым жених добивался ее руки. Девичье сердце подсказывало, что этот невзрачный на вид парень любит ее той настоящей трепетной любовью, о которой мечтает любая девушка. И не ошиблась. Ее избранник пронес свое чувство через всю жизнь. Его верность, самопожертвование вызвали искреннее восхищение друзей и давали повод врагам узреть в нем ту самую «слабинку», по которой, в случае чего, надлежало бить.

Жаль только, что дело всей его жизни – кинематограф оставляло Быкову совсем немного времени подольше побыть в домашнем кругу, насладиться тихим семейным счастьем, порадоваться успехам детей. Жена Тамара стоически переносила все невзгоды. Труднее всего было ей, актрисе, пережить его успех – обожание поклонниц, киношные экспедиции, фестивали и вечные дороги... Она знала, что настоящей отдушиной в жизни для него были путешествия, благо артистам не приходится долго засиживаться дома – их ждут бесконечные поездки, съемки, выступления... Увлекаясь познанием окружающего мира, Быков собрал прекрасную библиотеку, которой частенько и с удовольствием пользовался. Отличаясь феноменальной памятью, актер прекрасно заучивал текст любой роли, хорошо помнил даты, имена и разные мелочи... Несмотря на это, в быту Леонид Федорович выделялся непрактичностью и забывчивостью, бывало, терял свои вещи.

В Тамаре он встретил все, что мечтал увидеть в женщине. Стараясь не ревновать, она ждала «на берегу», не задавая лишних вопросов, по возможности, не прислушиваясь к досужим сплетням. Всеми силами пыталась победить в себе излишнюю женскую подозрительность, не устраивая по пустякам скандалов, во всем поддерживала супруга, став ему надежной соратницей. Предоставляла ему полную свободу выбора и творчества. Старалась не мешать осуществлению задуманного. Ходила с ним в походы, воспитывала детей, вела хозяйство...

Они были честны друг перед другом. Жена прощала ему мимолетные романы, если таковые случались, а он в благодарность за ее житейскую мудрость и долготерпение обожал ее и детей. И очень гордился своей семьей. Возможно, как любой отец, он больше был расположен к сыну и очень нежен с дочерью.

До конца своих дней Леонид Быков оставался идеалистом. Только по прошествии времени стало ясно, что быковский прицел был направлен куда выше голов своих современников. Выше, чем многие из них в силах были рассмотреть. Сквозь звезды...

Туда, где рождаются мечты...

Родом из детства

Как известно, все мы «родом из детства». Эта беззаботная пора закладывает на всю жизнь характер человека и принципы, по которым он в дальнейшем развивается как личность. Основопологающим является здесь и место рождения, и семья, в которой человек воспитывается, и пример его родителей, и люди, его окружающие, и первые друзья...

Леонид Быков – плоть от плоти земли, на которой вырос. В ней истоки его характера, его судьбы. Хотя и родился Леонид Федорович в семье потомственных рабочих в селе Знаменском Славянского района Донецкой области 12 декабря 1928 года, считал своей родиной рабочий поселок Прокатчиков на окраине Краматорска, куда семья Быковых переехала в 1929 году. Быков всегда очень гордился тем, что с Донбасса. Гордился своей фамилией, которая в этих краях не редкость. Любил простых людей, земляков, свою Прокатку. Признавался, что именно она сделала его человеком, научила любить и ценить то, что он потом любил, и ненавидеть то, что ненавидел. «Мои корни – на Прокатке», – с достоинством признавался он.

С Краматорском у Леонида Быкова связано множество самых теплых воспоминаний. Торец, Бычок, железнодорожный путь – этапы большого пути. Здесь прошло детство вихрастого паренька Ленки. Здесь просыпался он по утрам от

заводского гудка, пошел в первый класс, окончил среднюю школу № 6, впервые вышел на сцену местного ДК имени Ленина. Отец, Федор Иванович – вальцовщик-металлург, видел в сыне продолжателя рабочей династии, дядька Аким прочил любимчику семьи актерскую судьбу – уж больно здорово читал Ленька на семейных вечерах юмористические рассказы Чехова. Так читал, что хохотали все, даже обычно сдержанный отец...

Старшая сестра Леонида Федоровича, Луиза Федоровна Клещ, на открытии в Краматорске быковского кинофестиваля в 1985 году рассказывала, что отличительными чертами характера ее младшего брата были жизнелюбие и увлеченность делом. Уже в четвертом классе он режиссировал для жителей своей улицы спектакль «Таня-революционерка», который готовили совместными усилиями дети и родители. Вход стоил 10 копеек. На вырученные деньги от проданных билетов артисты купили лимонад и печенье, и премьеру отмечала вся улица!

В десятилетнем возрасте Леня не только поставил сказку «По шучьему велению», но и сыграл в ней главную роль – Емелю. Видимо, тогда у него и появилась идея соединить актера и режиссера в одном лице. Увлеченность Лени делала его центром любой компании. Луиза Федоровна вспоминала, что каждый, кто с ним знакомился, сразу становился его другом или поклонником.

Земляки не забыли Леонида Быкова. В Краматорске от-

крыт музей Леонида Федоровича, установлены памятник, мемориальная доска на его школе, именем Быкова названа улица, в его честь проводятся кинофестивали. Земляки им гордятся и вспоминают добрым словом веселую, дружную и хлебосольную семью Быковых.

Родители Леонида Федоровича были родом из села Знаменское Черкасской волости Изюмского уезда Харьковской губернии. Только отец, Федор Иванович, родился 24 декабря 1898 года, а мать, Зинаида Панкратовна, 16 июля 1907 года. Знавшие ее вспоминали сердечность и доброту этой женщины. Сама она была из многодетной семьи, воспитавшей восемь детей.

Дед Леонида Федоровича был рабочим, бабушка домохозяйкой. Взрослеть отцу Леонида Федоровича пришлось рано. Он успел окончить сельскую школу, когда в 1910 году умерла сначала его мать, а спустя пару лет и отец. Сначала сирота батрачил, потом пошел работать на завод. В своей автобиографии Федор Иванович писал: «Самостоятельным трудом жизнь начал с 1913 года. Работал на Дружковских заводах с 1913 года по 1917 год». Дальше была служба в старой армии. В Гражданскую Федор защищал Советскую власть – сначала пулеметчиком, затем политруком. После победы Федор пошел рабочим на мелопомольный завод на станции Шидловская, а в ноябре 1923 года стал вальцовщиком прокатного цеха Краматорского металлургического завода имени Куйбышева, в котором в дальнейшем и прора-

ботал много лет. В 1924 году Федор Быков вступил в партию. Став коммунистом ленинского призыва, именно он пригнал в родное Знаменское первый трактор.

Через год, 31 октября 1925 года, в загсе при Знаменском сельсовете Федор узаконил брак с Зинаидой Быковой. Невесте-однофамилице в документах даже не пришлось ничего менять. Жить молодожены пришли в просторный и теплый дом Зинаиды. Рубленый, в три окна, он был обмазан глиной и крыт железом. Этот дом сохранился и по сей день, только теперь его стены обложены кирпичом. Село переименовано и носит теперь название Черкасское. Именно здесь, в доме номер шесть, на улице Свободы, в 1927 году у Быковых родилась дочь Луиза, впоследствии ставшая педагогом, а спустя год, 12 декабря 1928 года, сын Леонид.

Установленный адрес

Местному краеведу, автору книги «Краматорская быль» Владимиру Федоровичу Коцаренко удалось узнать много интересного из истории села Знаменского. Оказывается, к 1858 году оно состояло из двух частей. В одной проживали крепостные, в другой – казенные (свободные) крестьяне. Эту часть в народе прозвали Черкасское (в ту пору украинцев величали черкассами). Говорят, основал Черкасское полковник Изюмского слободского полка Константин Захаржевский во время постройки оборонительной линии укреплений, за что в 1685 году получил от царя похвальную грамоту. Сегодня уже не представляется возможным установить – были ли Федор и Зинаида Быковы потомками крепостных или казенных крестьян. Известно только, что проживала семья на том краю Знаменки, которую в начале века местные жители величали Ганівкой.

В 29-м году семья Быковых оставляет Знаменку, чтобы поселиться в поселке городского типа Краматорский. Позже, в 1932 году, Краматорск, расположенный в северной части области на реке Казенный Торец (приток Северского Донца), благодаря строительству гиганта отечественного машиностроения Новокраматорскому машиностроительному заводу (НКМЗ) получил статус города и стал индустриальным центром Донбасса.

Владимир Федорович Коцаренко, устанавливая первый краматорский адрес семьи Быковых, в своей книге пишет: «Как-то, еще ничего не зная о годе постройки дома на «Прокатке», но уже предполагая, что Быковы поселились там отнюдь не в 1930 году (как мы знаем, это произошло в 1929 году. – *Н.Т.*), я затеял на эту тему разговор с мужем покойной Луизы Федоровны – Алексеем Семеновичем Клещом. В результате, основательно «перелопатив» домашний архив, однажды при встрече он вручил мне старую почтовую карточку, на обороте которой были письмо и адрес. Последний вмиг развеял все сомнения и подтвердил мою правоту.

«Почтовку» послала из Керчи некая Нина. Судя по всему, она из местных и в Крым отправилась в поисках работы, а может быть, и счастья. Письмо было адресовано Марии Панкратовне – старшей сестре Зинаиды Быковой. Вместе с Быковыми Мария покинула родную Знаменку и много лет подряд жила с ними в Краматорске под одной крышей. На карточке Нина написала следующий адрес: «Ст. Краматорская. На Донбас(с)е. Октябр(ь)ский поселок, №130, кв.8. Быков. (Для М.П.)». Дату она не указала. Однако сам факт, что в адресе значится «Ст. Краматорская», уже свидетельствует: незнакомка послала карточку не позднее 1932 года (в этом году Краматорской присвоили статус города). Удивляло, конечно, что в адресе отсутствовало название улицы. Но я ведь знал: карточка нашла получателя.

Описание всех перипетий, связанных с поисками дома,

где пролетели детские годы Леонида Быкова, наверняка утомили бы каждого. Важен итог. Поэтому для особо нетерпеливых сообщаю точный адрес: г. Краматорск, ул. Спортивная, д.12, кв.8. Это в Старом городе, в районе сквера Металлургов, в самом сердце старой части поселка Октябрьский. Год постройки дома – 1928. До войны 1941 – 1945 гг. здесь одна только центральная улица имела название – проспект Октябрьский, и нумерация домов была привязана к ней. Вот почему в адресе на «почтовке» улица не фигурирует. Кстати, прежние номера домов сохранялись вплоть до середины 50-х гг. Изрядно поржавевшие таблички кое-где уцелели по сей день. Есть такая и на «быковском» доме. Сохранился план города, датированный 1956 годом. На нем этот дом все еще помечен двойным номером – 12/130». Позже одна из соседок вспоминала, как Федор Иванович Быков, выходя во двор, шутил: «В цьому домі самі бики та бугаї живуть», намекая на свою фамилию и соседа – Бугаева, занимавшего высокую должность на одном из предприятий города.

Надо сказать, что переезжала семья Быковых часто. Уже в 1936 году она переселилась в один из живописнейших уголков города – поселок Прокатчиков на улицу Молотова, дом номер девять (ныне улицу Шишкина). Всего таких переездов было около девяти. И каждый раз, вслед за кормильцем, семья поднималась с насиженных мест. Федора Ивановича то направляли на учебу в Москву, то избирали председателем профкома Краматорского металлургического завода, то

бросали уполномоченным по хлебозакупкам в сельские рай-
оны...

Барнаульское детство

Во время эвакуации Быковы оказались в Барнауле, где Федор Иванович сопровождал эшелоны с продовольствием. Когда в город прибывал очередной состав, сослуживцы бежали за женой, чтобы она забирала скорей своего Федора, в очередной раз грохнувшегося в голодный обморок. При такой «хлебной» должности взрослый мужчина весил всего 47 килограммов, в то время как рядом стоял полный продуктов эшелон...

Дочь Леонида Быкова Марьяна вспоминает: «Это было великое самопожертвование и самоотречение. Таким же абсолютно наивным, чистым и идейным был и его сын. Он не мог быть другим. Так же искренне и неудержимо папа рвался в Корею, где гибли корейские дети. Писал заявления, бросал институт. Его не пустили, и в Корее как-то обошлись без него, но в этом была его суть. Те же максимализм и жертвенность стопроцентно присутствовали и в характере мамы...»

Вот так и жили Быковы, жертвуя собой ради общего дела. Сын знал, что, даже страдая пороком сердца, отец в 41-м рвался на фронт защищать Родину, сильно переживая, что врачи его «забраковали».

Позже, став кинематографистом, Леонид Быков использует в творчестве некоторые факты своей биографии. Личное, в частности, проявится в фамилиях персонажей его фильма

«В бой идут одни «старики». Известно, что многие его киногерои – реальные люди. Так, прототип Смуглянки – друг детства Леонида Быкова, погибший на войне летчик Виктор Щедронов (в кадре использовались его реальные фотографии). Другой персонаж картины – Николай Алябьев – мальчишка, с которым Быков подружился во время эвакуации в Барнауле, когда его семья жила на квартире у его родителей.

Конечно, Быковы, чудом вырвавшиеся из оккупированной Украины в далекую Сибирь и натерпевшиеся тягот эвакуации, были рады тому, что в Барнауле их накормили и отогрели. Позже Леонид Быков любя называл этот город своей вотчиной. Здесь его семья получила наконец крохотную комнатенку в деревянном бараке, работу и школу. Барак находился в переулке Тальменском. По нему пролегала горная дорога к обскому парому. Сейчас это глухое место. Барак снесли в середине 70-х годов прошлого века. Теперь здесь заросли кленов, которые так любил будущий актер и режиссер Леонид Быков.

Спустя годы, приехав в Барнаул в 1974 году представлять картину «В бой идут одни «старики», известный актер и режиссер Леонид Быков со сцены сказал: «Дорогие мои земляки! Я набираюсь нахальства и говорю, что земляки, потому что здесь прошло три года моей жизни. Но... годы войны считаются один к трем, значит, можно считать, девять лет я здесь жил. Я очень жалею, что я не поэт, но если мне сто раз дадут возможность говорить на земле Алтайской, я сто

раз скажу одно и то же: «Спасибо тебе, Барнаул, спасибо от мальчишек донбасских и от всех тех, кого вы спасали: тут были и москвичи, и ленинградцы, и харьковчане...»

Прошло тридцать с лишним лет. При слове Барнаул хочется есть. Кто из старожилов есть в зале, тот, наверное, помнит эти годы. Как скажут Барнаул – рука тянется к хлебу. Вы отдавали и тепло, и жилье, и добро...

Нашу семью приютила семья Алябьевых. Вот сидит Алябьев. Коля, встань. Полкровати своей отдал мне. Может, теперь жалеет. Не знаю. Барнаульцы, спасибо вам за все, тридцать лет не успеваешь сказать «спасибо». Я после войны первый раз в этом городе. Завтра нам обещают дать возможность поехать на Восточный поселок, поискать: там, говорят, пара бараков еще остались, если сохранились. Ну, овраги-то сохранились там, где учились на лыжах стоять. Сказать словами «спасибо» трудно.

В этой картине, которую делали мы, есть маленькая эпизодическая роль – хороший мой товарищ играет летчика из Сибири. В благодарность я мог только отдать ему фамилию – Алябьев.

Расплатиться и сказать «спасибо» – это, наверное, мало. Я вам могу сказать, что мы, те, кто занимается искусством, будем всю жизнь помнить, чем мы обязаны друг другу. Мы будем ухаживать за могилами, тысячи и тысячи которых на Украине, туда... аж до Берлина, где в братских могилах и барнаульцы, и новосибирцы, и...

Но, наверное, наша задача, кинематографистов, постараться работать так, чтобы не краснеть перед вами, зрителями, за то, что мы делаем на экране, и за то, что мы делаем в жизни...»

В тот раз Леонид Быков воспользовался возможностью посетить и 11-ю школу, в которой учился в дни эвакуации. Здание школы на улице Кулагина (в ту пору – Полевой) сохранилось. Сегодня здесь расположены современные офисы. Неподалеку находится еще одно место, которое тоже теперь не узнать – холм, который некогда звался Пупком: с него детвора любила зимой кататься на лыжах и санках.

В школьном музее и сегодня хранится снимок, которым здесь очень дорожат. На нем Леонид Быков запечатлен вместе с одноклассниками: Владимиром Екшибаровым, Валентином и Любовью Сапуновыми, Анной Дорониной... Пусть в те годы Леня Быков не мог похвастаться примерным поведением и отличными отметками, товарищи любили его за справедливость и требовательность к себе и другим, за открытый и добрый нрав. Ленька с удовольствием участвовал в самодеятельности, не помышляя пока об актерстве.

Сегодня уже трудно установить, чем занимались Луиза и Леня после окончания в первой половине войны барнаульской семилетки. Скорее всего, до 43-го года, когда Быков предпринял попытку поступить в летное, он с сестрой и матерью Зинаидой Панкратовной какое-то время трудился на станкостроительном заводе, поскольку рядом не было дру-

гих предприятий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.